Узнав о проекте Екатерины распространить русское владычество на Грецию и Турцию, С. П. Румянцев сказал: «Мне неизвестны намерения государыни, но Российская империя столь велика, что если бы пожелали так далеко раздвинуть ее пределы, то понадобилось бы для управления ею изобрести средства более тонкие, чем тайны деспотизма (secrets du despotisme)».[31]

Это суждение молодого Румянцева, которое любил приводить Гримм, своей зрелостью глубоко поразило Неккера, опытного политического деятеля предреволюционной Франции: «...un mot de lui qui avait frappé aussi très particulièrement M. Necker».[32]

II

Весной 1777 г. Румянцев приехал в Россию, где тотчас же соприкоснулся с мрачными сторонами екатерининского самодержавия и господствовавшим в стране фаворитизмом.

«Возвратясь в Петербург, — писал Румянцев о себе и своем брате, — нашли они Завадовского, теряющего уже фавор, и без того недолговременный. Зорич заступал его место, а в самое это же время туда же приехал король шведский (июнь 1777 г., — *Л. К.*). При празднике, ему данном на даче Нарышкина (21 июня, — *Л. К.*),[33] случилось то происшествие, где я князю Потемкину дал почувствовать, что я подчиняться ему не намерен».[34] К сожалению, точные причины и характер этого столкновения остаются невыясненными.

К тяжелым впечатлениям вскоре прибавилось также известие о смерти А. П. Сумарокова (1 октября 1777 г.). Судьба крупного драматурга, одного из основателей русского театра, под конец жизни всеми покинутого, лишившегося средств к существованию, топившего горе в вине и похороненного на средства актеров, глубоко взволновала Румянцева. До нас не дошел весь цикл стихотворений Румянцева этого периода, но известно произведение, посвященное им Сумарокову. В печатном тексте «Автобиографии»

---

[31] M. Grimm. Notices, Notes. Paris, 1877. Со вступительной статьей И. Г. Мейстера (J. H. Meister. Correspondance de baron de Grimm), который ошибочно приписывает эти слова Н. П. Румянцеву. Между тем, по словам Гримма, они сказаны его «любимцем». Гримм, как он многократно повторял, особенно любил С. П. Румянцева. Так, в своих письмах Гримм постоянно называет его то «Serozka», то «mon cher enfant», то «Liebchen». См., например, письмо Гримма к Румянцеву (ГБЛ, Отдел рукописей, Р. а. 7/39, стр. 17—18) и письмо Гримма Екатерине (от 8/19 августа 1781 г.) о приверженности к С. П. Румянцеву («ce chien de faible que j'ai pour lui» — «моя чертовская слабость к нему»): Сборник Русского исторического общества, т. 33, СПб., 1881, стр. 226.

[32] I. H. Meister. Correspondance de baron de Grimm, — Вступительная статья к книге: M. Grimm. Notices, Notes, стр. 11. Перевод: «... его слова, которые особенно поразили г. Неккера».

[33] Chevalier de Corberon. Journal intime. Un diplomate francais à la cour de Catherine II, 1775—1780, vol. II. Paris, 1901, стр. 156.

[34] С. П. Румянцев. Автобиография, стр. 845.